

Аналитическая статья

УДК 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.1

СОЦИАЛЬНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Васильев В. В.

Самарский филиал Московского городского педагогического университета,

Самара, Россия,

Vasilev-429@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0643-8911>

Аннотация. В статье анализируются специфические черты и особенности феномена социальной неопределенности через призму современных тенденций социологических исследований, отражающих междисциплинарный исследовательский синтез. В статье отмечается, что социологи исходят из понимания социальной неопределенности как сложного, противоречивого и многогранного феномена, одновременно и определяющего, и отражающего динамику развития общества. Автор подчеркивает, что социологическая методология, с одной стороны, позволяет рассматривать внешние условия, влияющие на общественную организацию, а с другой — анализировать результат отношений и взаимодействия всех акторов социальной системы. Делается вывод о возможности исследования неопределенности в контексте вариантов социального времени. В контексте анализа социальной неопределенности используется понятие социального вектора, характеризующего полярность направлений и рассогласованность современного социального поля и позволяющего сделать вывод о том, что уровень неопределенности в обществе будет резко и непредсказуемо возрастать, с последующим относительным снижением. Приводятся области проявления векторов социальной неопределенности, в числе которых: экономическая и социальная среда, отдельные социальные группы и процессы, общественное сознание и мышление человека. Отмечается отход в современной социологической методологии от одностороннего подхода к объективным социальным противоречиям как к негативным условиям и ситуациям, которые требуют однозначного преодоления.

© Васильев В. В., 2023

Ключевые слова: социальная неопределенность, социологические исследования, междисциплинарность, социальное время, нестабильность, социальные векторы, социальная структура

Для цитирования: Васильев В. В. Социальная неопределенность как предмет социологического анализа // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 2 (46). С. 8–22. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.1

Analytical article

UDC 101.1:316

DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.1

SOCIAL UNCERTAINTY AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Vladimir V. Vasiliev

Samara Branch of Moscow City University (SFMGPU),

Samara, Russia,

Vasilev-429@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0643-8911>

Abstract. The article analyzes the specific features and characteristics of the analysis of the phenomenon of social uncertainty through the prism of modern trends in sociological research, reflecting an interdisciplinary research synthesis. The article notes that sociologists proceed from the understanding of social uncertainty as a complex, contradictory and multifaceted phenomenon that both determines and reflects the dynamics of society's development. The author emphasizes that sociological methodology, on the one hand, allows us to consider external conditions that affect the social organization, and on the other hand, to analyze the result of the relationship and interaction of all actors of the social system. It is concluded that it is possible to study uncertainty in the context of social time options. In the context of the analysis of social uncertainty, the concept of a social vector is used, which characterizes the polarity of directions and the mismatch of the modern social field and allows us to conclude that the level of uncertainty in society will increase sharply and unpredictably, followed by a relative decrease. The areas of manifestation of the vectors of social uncertainty are given, including: the economic and social environment, individual social groups and processes, public consciousness and human thinking. There is a departure in modern sociological methodology from a one-sided approach to objective social contradictions, as negative conditions and situations that require unambiguous overcoming.

Keywords: social uncertainty, sociological research, interdisciplinarity, social time, instability, social vectors, social structure

For citation: Vasiliev, V. V. (2023). Social uncertainty as a subject of sociological analysis. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (46), 8–22. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.1>

Социальная неопределенность выступает в качестве одного из ключевых понятий целого ряда междисциплинарных исследований общественного развития. Принцип трансдисциплинарности (кроссдисциплинарности) организации гуманитарного знания, по мнению А. В. Жукоцкой, помогает приблизиться к объяснению и решению проблем сверхсложных социальных систем, которые не могут быть решены в рамках какой-либо одной научной дисциплины [Жукоцкая, 2021, с. 95]. Современные тенденции социологических исследований отражают подобный междисциплинарный синтез, что позволяет исследователям рассматривать базовые социокультурные составляющие социума в качестве факторов, оказывающих определяющее воздействие на деструкцию социальных связей [Ястребова, 2015, с. 146].

Социологи исходят из понимания социальной неопределенности как сложного, противоречивого и многогранного феномена, одновременно и определяющего, и отражающего динамику развития общества. Рассматриваемая методология, с одной стороны, позволяет изучать внешние условия, влияющие на общественную организацию, а с другой — анализировать результат отношений и взаимодействия всех акторов социальной системы (субъект-субъектного или субъект-объектного). При этом учитывается широкий спектр как количественных, так и качественных характеристик взаимодействующих элементов, к которым могут быть отнесены: культурные ценности и морально-правовые нормы, условия социального взаимодействия, типологические особенности социальных групп, психологические особенности личности и т. д. Значительные структурные изменения общества и связанная с ними нестабильность современной социальной динамики заключается, согласно взглядам ряда социологов, в столкновении ценностей и стилей [Пакина, 2012 с. 39], разрыве в эстетических пристрастиях, наиболее распространенных формах бытового общения, культурных образцах и практиках взаимодействия между представителями различных стран [Васенина, Липатова, 2014, с. 20].

Таким образом, анализ социологического подхода к изучению социальной неопределенности позволит глубже раскрыть содержательную сущность данного феномена через элементы социальной структуры, которые, по мнению исследователей, в первую очередь попадают под воздействие неопределенности, выявить степень их вовлеченности в эти процессы. Рассмотрение многообразия проявлений неопределенных состояний при помощи социологической методологии позволит конкретизировать поле неопределенности во времени, а также на различных уровнях социального пространства, представляя направления и плотность социальных векторов, динамику и тенденции социальных взаимодействий.

Социология предоставляет возможность исследования неопределенности в контексте социального времени, так как исходит из признания двух фундаментальных особенностей всех общественных явлений — последовательности и продолжительности. Анализ темпоральной протяженности (количественная характеристика) времени, а также особенных качественных характеристик

времени протекания социальных процессов, обусловил формирование нескольких специфических точек зрения по данной проблеме.

Наиболее распространенной позицией является констатация постоянного и реального присутствия социальной неопределенности в жизни общества: «Неопределенность ощущается современным человеком по-особому, как непреходящее и естественное состояние. Она не воспринимается как катастрофа, потому что такое состояние вполне можно терпеть, более того, можно вполне удачно в нем существовать» [Осьмук, 2010, с. 85].

Альтернативные взгляды основаны на дискретном характере исследуемого феномена, возникающего под воздействием каких-либо экстраординарных явлений или процессов и протекающего в конкретных временных границах. В частности, В. В. Михеева считает, что степень и характер социальной неопределенности могут варьироваться от краткосрочных состояний кризиса до крайней неопределенности, выраженной в неструктурируемости, т. е. невозможности построения модели социального процесса, системы, адекватной реальности [Михеева, 2014, с. 24]. Абстрагирующиеся от конкретного количественного социального времени и пространства, но четко детерминированные этапы и ритмы социальной неопределенности, представлены В. П. Бабинцевым, Г. Н. Гайдуковой, Ж. А. Шаповал как последовательность относительно коротких циклов кризисных ситуаций в развитии общественной системы в целом и ее подсистем между точками бифуркации [Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2020, с. 96].

Характеризуя феномен социальной неопределенности с позиции социального времени, исследователи склонны учитывать прежде всего его качественную, онтологическую, внутреннюю ипостась. Именно поэтому, на наш взгляд, не сформировалось единого отношения к продолжительности, темпу, ритмичности, фазам и хаотичности неопределенности общественных процессов.

На наш взгляд, сейчас становится все более очевидно, что социальная система детерминирована именно постоянной неопределенностью причин и результатов действий социальных акторов. Экономический дисбаланс, несовершенство распределения основных ресурсов, социальное и технологическое неравенство, информационное влияние на сознание, полярность форм социального поведения — вот далеко не полный перечень процессов, постоянство и непредсказуемость которых в последние несколько столетий не позволяет согласиться с позициями ряда исследователей о том, что социальная неопределенность носит неkontинуальный характер.

Исходя из того, что общественное развитие характеризуется неопределенностью, для исследователей-социологов актуальным становится рассмотрение динамики неопределенности (снижение – возрастание). Эти изменения, помимо уже отмеченных выше временных параметров, могут характеризоваться направлениями (сферами) проявлений (социальные векторы) и интенсивностью (частотой повторения) форм социального взаимодействия (плотность социальных векторов).

Чаще всего социальные векторы понимаются как направленность социальной политики (медицинское обслуживание, занятость, образование, социальные льготы и гарантии) [Байматов, 2014, с. 198]. В основе используемого нами понятия социального вектора лежат реальные и наиболее выраженные темпоральные направления и тенденции существования общества и человека, возникающие преимущественно как реакции на внешние воздействия. Различные философские, научные и практико-ориентированные основания этих процессов обуславливают полярность и неустойчивость социальных векторов [Ан, Глиос, Дик, 2019, с. 42]. Векторы современного социального поля в условиях процесса самотрансформации могут совпадать, но при определенных условиях могут различаться и даже противостоять друг другу. Подобное рассогласование и может обуславливать социальную неопределенность.

Структурно-функциональная связь между элементами социальной системы и результатами их взаимовлияния, как уже отмечалось, характеризуется плотностью. В числе подходов к ее рассмотрению может быть представлена интегративная точка зрения Н. Элиаса, акцентирующая, по мнению М. М. Кузьмина и его соавторов, внимание на двух взаимосвязанных элементах, свойственных сообществу: локальности и социальной плотности [Кузьминов, Санадзе, Шевченко, 2019, с. 131]. Исследователи выводят проблему социальной плотности из актуальности анализа социального единства в различных группах и сообществах как объектах с высокой степенью сплоченности их участников. При этом, проводя параллель с динамической или моральной плотностью, о которой Эмиль Дюркгейм говорил в своей работе «О разделении общественного труда», рассматривают социальную плотность как совокупность двух понятий: плотность взаимодействий участников сообщества и их моральное единство [Дюркгейм, 1996, с. 263].

По аналогии с понятием «социальная плотность» автор, чтобы подчеркнуть, что при анализе социальной неопределенности сторонники социологического подхода выделяют как разнонаправленные тенденции, так и совпадения векторов социальных изменений, считает возможным использовать понятие «плотность социальных векторов» — отношение числа фактически имеющих социальную плотность взаимодействий к максимально возможному количеству в том или ином направлении, которые характеризуются накоплением каких-либо качеств или свойств, влекущие за собой инновационные изменения в социальной системе.

Увеличение разнообразия направлений социальных векторов и снижение степени их плотности выражается в неопределенности результатов реализации потенциальных возможностей человека, приводит к изменению аксиологических ориентиров, разнообразию и спонтанности форм социального взаимодействия, в том числе к конфликтам и рискам, а также к возникновению новых социальных групп.

Использование указанных параметров в ходе рассмотрения работ исследователей, стремящихся выявить и объяснить тенденции во взаимодействии социальных субъектов, позволяют выделить три точки зрения на динамику

социальной неопределенности: возрастание, снижение и состояние постоянного стабильного присутствия в социуме.

Большинство авторов склонны констатировать постепенное нарастание неопределенности и непредсказуемости в конкретных социально-экономических условиях.

Так, И. С. Помазкова говорит о нарастающей тенденции роста социальной неопределенности и формировании пространства неопределенности как реального пространства реализации жизненных практик, стратегий и планов молодого поколения [Помазкова, 2011, с. 19]. К подобным же выводам приходит и Н. Е. Шилкина, которая через призму особенностей адаптации студенческой молодежи к современным условиям фокусирует внимание на характеристике возрастания социальной неопределенности и риска, усилении противоречий рассогласования индивидуальных и общественных интересов, усилении и одновременно рутинизации и культивировании стихийных, спонтанно возникающих и субъективистски ориентированных адаптационных практик, вступающих в противоречия с институциональными ожиданиями социальных групп в отношении друг друга [Шилкина, 2015, с. 6]. Ю. А. Зубок также пишет о радикальных изменениях социальной структуры и росте непредсказуемости жизненных траекторий молодежи [Зубок, 2006, с. 90].

Другая позиция, выраженная мнением В. П. Бабинцева, Г. Н. Гайдуковой, Ж. А. Шаповал, связана с отсутствием сколько-нибудь явной эскалации проявлений исследуемого феномена. В ходе анализа особенностей регионального развития субъектов РФ авторы пришли к выводу, что нарастающая динамика социальной неопределенности отсутствует, а социальная нестабильность характеризуется только как латентный фактор развития в среднесрочной перспективе [Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2020, с. 103].

Снижение социальной неопределенности рассматривается в качестве третьего варианта динамики исследуемого феномена. Целенаправленные социальные действия позволяют достичь относительной стабильности социальных отношений. Примером подобных действий, с точки зрения А. В. Пелина, является следование традициям. «Традиционное поведение снимает дискомфорт с помощью высокой прогнозируемости. Оправдываясь, ожидания в традиционных схемах взаимодействия практически полностью устраняют неопределенность» [Пелин, 2012]. Согласимся, что традиции, имеющие глубокие исторические корни и выражающиеся в коллективном поведении, оказывают стабилизирующее воздействие на современность. Характерные для традиции инертность и консервативность в способах социального реагирования вступают в противоречие с тенденцией неопределенности, направленной на дестабилизацию. Подобным образом, характеризуя связи между людьми, обеспечивающие общественный порядок, П. Штомпка к одному из типов общественного согласия отнес «согласованность “коллективных представлений”», опирающихся на общие традиции и повседневные правила поведения» [Штомпка, 2005, с. 24], при этом, по его мнению, идеи и нормы прошлого используются «с точки зрения нынешних

потребностей, ожиданий, стандартов» [Штомпка, 2005, с. 264]. Таким образом, по мнению социологов, чем выше в обществе степень укорененности норм, ценностей, правил и следования им, тем эффективнее будет снижение социальной неопределенности и преодоления «травмы перемен».

И, наконец, еще одна точка зрения, нашедшая своих сторонников, заключается в том, что момент возникновения и вероятные направления динамики социальной неопределенности трудно предсказать. Так, по мнению Ю. К. Ахапкина, темпы обновления технологий, стихийные бедствия, этнические, религиозные и национальные столкновения, терроризм порождают социальную напряженность, решение проблемы которой зависит от духовно-интеллектуального потенциала человека — «слабого места в социальных и технических системах». Поэтому гуманистическая интерпретация информации может привести либо к корректным и адекватным решениям проблем, либо к катастрофическим последствиям, затрагивающим большинство людей в социуме [Ахапкин, 2008, с. 3–4].

Таким образом, каждый из представленных подходов к пониманию направления динамики социальной неопределенности может обосновываться, с одной стороны, изменением направлений социальных векторов: расширением реального пространства реализации жизненных практик, стратегий и планов молодого поколения; усилением противоречий, рассогласования индивидуальных и общественных интересов; стихийными, спонтанно возникающими и противоречивыми адаптационными практиками; непредсказуемостью жизненных траекторий молодежи. С другой стороны, изменением плотности социальных векторов, на которую влияют: традиционное поведение, непрерывное развитие духовно-интеллектуального потенциала человека, постоянный анализ непредсказуемых событий, их прогнозирование и предотвращение.

По нашему мнению, в сложившихся современных постоянно нелинейных условиях социальной среды маловероятно снижение уровня социальной неопределенности. Гораздо более реалистичной представляется точка зрения, согласно которой уровень неопределенности в обществе будет резко и непредсказуемо возрастать, с последующим, через какое-то время, относительным снижением.

Анализируя неопределенность социальных отношений, исследователи-социологи обращают внимание еще на одну характеристику — непосредственную область проявления ее векторов. Формирование векторов неопределенности, в основе которых лежит нарушение устоявшихся взаимосвязей и отношений между элементами, происходит на личностно-индивидуальном, общественном и институциональном уровнях, а векторными траекториями неопределенности становятся изменения в социальных ролях индивидов и групп, мировоззрении, социальном потенциале и возможностях его реализации (социальном поведении).

Так, одни авторы указывают на конкретное социальное пространство, в котором реализуются жизненные практики. В частности, у И. С. Помазковой

это стратегии и планы молодого поколения [Помазкова, 2011, с. 4]; другие находят проявление неопределенности в характере, мотивации и деятельности людей, выражающихся в постоянном расширении спектра социальных девиаций [Кравченко, 2014, с. 7]; третьи считают, что открытость современных систем способствует возникновению разрывов в социальном пространстве, общественном и индивидуальном сознании, выражающихся в размывании границ культур и стран, а также привычных структур в их традиционном значении [Васенина, 2014, с. 20; Михеева, 2014 с. 26].

Следующая группа авторов считает, что увеличение поля неопределенности происходит во всех без исключения сферах общественной жизнедеятельности [Белая, 2017, с. 25; Ахапкин, 2008, с. 3]. Так, в исследовании У. Бека отмечается ее проявление «во всей материи, включая социальные реалии и пространство», Ю. К. Ахапкин видит неопределенность в «социальной действительности» [Ахапкин, 2008, с. 8], а Т. А. Пакина и В. В. Михеева говорят об «окружающей социальной среде» [Пакина, 2012, с. 39; Михеева, 2014, с. 24]. При этом следует подчеркнуть, что отдельные авторы делают акцент на уточняющих характеристиках социального пространства, подверженного неопределенности, к которым относятся: временные — современное, повседневное и становящееся [Бек, 2000, с. 55; Кравченко, 2014, с. 7; Шилкина, 2015, с. 196]; качественные — сложное, традиционное [Кравченко, 2014, с. 7; Белая, 2017, с. 24]; пространственно-территориальные — глобальное, региональное [Шилкина, 2015, с. 4; Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, с. 103].

Изучение точек зрения социологов также показало, что актуальным аспектом проблемы социальной неопределенности является место данного феномена на различных уровнях социальной реальности. В частности, в своей концепции Ю. А. Зубок выделяет макрообъективный и макросубъективный уровни [Зубок, Чупров, 2010]. И если надсубъектность (по сути, объективность), рассматриваемого феномена очевидна, то субъективные особенности и характеристики социальной неопределенности детерминированы особенностями восприятия и реакциями членов общества, в числе которых: субъективно сконструированные образы ожидаемых в будущем опасностей [Бек, 1994, с. 167]; субъективные смысловые контексты и общественные процессы [Шилкина, 2015, с. 115]; субъективность восприятия [Ахапкин, 2008, с. 13].

Исходя из этого, исследователями социальной неопределенности подвергается сомнению рациональность социального взаимодействия. В частности, по мнению Р. Г. Хлопушина, государственные социальные институты, негосударственные и общественные организации, система государственного управления в целом [Хлопушин, 2005, с. 19] могут быть крайне неэффективны вследствие многочисленных фактов проявления неопределенности элементов их составляющих.

Анализ проявления неопределенности в социально-экономической среде также выступает в ряду приоритетных исследований социологов. Например, согласно взглядам Т. А. Пакиной, неопределенность хозяйственной деятельности

заключается в правовой и финансово-хозяйственной нестабильности [Пакина, 2012, с. 40], а, по мнению И. В. Васениной и М. Е. Липатовой, неопределенность заключается в разрыве механизмов исторической, экономической и политической преемственности [Васенина, Липатова, 2014, с. 20]. В целом концепции исследователей относительно взаимосвязи социальной неопределенности с экономическими и политическими сферами не ограничиваются анализом локальных и региональных процессов [Матюх, 2011, с. 185], а используют общемировой контекст [Мещерякова, 2015, с. 134], в котором феномен глобализации влияет на неопределенность прогнозирования [Матюх, 2011, с. 185], этнические, религиозные, национальные отношения [Ахапкин, 2008, с. 3], системы международного права, миграционные процессы и т. д. [Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2020, с. 96].

Принимая во внимание происходящие изменения в современных обществах, а также то, что неопределенность как феномен, входя в понятийный аппарат социологии, относится ко многим аспектам социальных преобразований, становится актуальным анализ, адекватно отражающий эти изменения.

В результате трансформации структуры общества, вследствие радикальных социально-экономических реформ 90-х годов в России, согласно концепции Т. А. Пакиной, активно протекали процессы социальной дезорганизации и дезадаптации, обусловившие глубокий системный кризис общества, характеризовавшийся многовекторностью, высоким темпом реализации изменений и неопределенностью настоящего и будущего страны [Пакина, 2011]. Социальная эволюция в переходных общественных условиях протекает, по мнению Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, под влиянием социальной неопределенности и нелинейности социальных процессов, в основе которых лежит нарушение действия целеориентированных способов регуляции [Зубок, Чупрова, 2010].

Формируемое под влиянием неопределенности социальное пространство, определяется взаимодействием различных субъектов, для которых характерно рассогласование интересов и противоречивость взаимодействия [Дунаева, 2008]. Чаще всего таковыми субъектами указываются социальные группы, основанные на социальной стратификации [Пелин, 2012; Пакина, 2012, с. 39; Шилкина, 2015, с. 6], в том числе наиболее подверженной неопределенности указывается молодежь как становящаяся социальная группа с неустойчивым, еще только формирующимся сознанием [Пакина, 2012, с. 39]. Процесс ее становления напрямую связан с усвоением молодым поколением социальных и культурных норм [Пакина, 2012, с. 39], освоением различных социальных ролей. Чаще всего условием протекания данных процессов становится именно социальная неопределенность, преодоление которой, посредством значимых традиционных институтов семьи и образования [Касьянов, Кротов, Самыгин, 2017 с. 43], представляет собой одну из главных особенностей современной социализации молодежи, влияет на ее характер и направленность [Самыгин, 2008, с. 10].

Наращение интенсивности проявления социальной неопределенности, по мнению ряда исследователей, непосредственно связано с мышлением

человека [Белая, 2017, с. 25; Цой, 1999], индивидуальным и массовым сознанием [Михеева, 2014 с. 26; Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2020, с. 98] и выражается в динамике факторов, вызванных рядом процессов. К наиболее актуальным из них следует отнести: противоречия современных межличностных коммуникаций и традиционной ментальности; радикальное изменение духовно-нравственных и ценностно-нормативных систем [Касьянов, Кротов, Самыгин, 2017, с. 43] общества, выступающих в качестве поведенческих ориентиров и стратегий [Пакина, 2012, с. 39]; снижение роли смыслопроизводящих институтов (семья, образцы поведения мужчины и женщины и т. д.) [Бек, 2020, с. 5] и моральных норм [Бек, 1994, с. 163]. Таким образом, констатируемые противоречия ценностных ориентиров, мировоззренческих установок, коллективных представлений и конвенционально принятых норм являются содержательным аспектом социологических исследований взаимосвязи социальной неопределенности и массового сознания.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что социологические концепции позволяют представить спектр непосредственных социальных структур и процессов, в которых проявляется социальная неопределенность.

Таким образом, обобщая результаты рассмотрения основных тенденций влияния социальной неопределенности на состояние общества, которые были сделаны ученым, с точки зрения социологической методологии необходимо отметить следующее. Во-первых, неопределенный импульс социальной динамики выражается в целом спектре темпоральных и векторных характеристик, с одной стороны, объясняющих механизмы функционирования элементов социальных систем, с другой — дающих возможность определения перспектив преодоления неопределенности. Во-вторых, чаще всего именно государственные, политические и общественные организации выступают в качестве основных акторов, реагирующих на социальную неопределенность, через установление различных форм институционального контроля. И, наконец, в-третьих, несмотря на негативный социальный фон, вызванный неопределенностью, исследователи считают, что изменение норм и ценностей в ряде случаев оказывают положительное влияние на социум, влияя на активность субъектов в преодолении социальной неопределенности.

Подводя итог обзору исследований социальной неопределенности в русле социологической методологии, следует сделать вывод о том, что в современной науке меняется односторонний подход к объективным социальным противоречиям как к негативным условиям и ситуациям, которые необходимо однозначно преодолевать, и согласиться с З. Бауманом, который констатирует: «Если традиционная социология, возникшая и сформировавшаяся под покровительством “твердой” современности, была озабочена человеческим повиновением, главная забота социологии, созданной по мерке текучей современности, должна состоять в содействии независимости и свободе; поэтому такая социология должна помещать в центр своего внимания индивидуальное самосознание, понимание и ответственность» [Бауман, 2008, с. 228].

Список источников

1. Ан С. А. Социальные векторы бытия нашего времени / С. А. Ан, Г. Н. Глиос, В. П. Дик // Вестник Института развития ноосферы. 2019. № 5 (7). С. 5–47.
2. Ахапкин Ю. К. Интерпретация социально-гуманистической информации в условиях неопределенности: дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 175 с.
3. Бабинцев В. П. Проблема социокультурных констант в нестабильной социальной реальности (региональный аспект) / В. П. Бабинцев, Г. Н. Гайдукова, Ж. А. Шаповал // Социодинамика. 2020. № 5. С. 94–104.
4. Байматов П. Н. Россия и Запад: конституционное право граждан на социальное обеспечение — индикатор социального государства // Право и политика. 2014. № 2 (170). С. 197–206.
5. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. С. А. Комарова; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
6. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с. Пер. изд.: Beck U. Risikogesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986.
7. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Thesis. 1994. № 5. С. 161–168.
8. Белая Е. А. Социальная неопределенность как фактор трансформации образования // Развитие территорий. 2017. № 2 (8). С. 24–27.
9. Васенина И. В. Методологические подходы к изучению ценностных ориентаций молодежи в обществе социальной неопределенности / И. В. Васенина, М. Е. Липатова // Проблемы развития общества в условиях неопределенности: экономические, социальные и управленческие аспекты: сб. науч. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 24–25 ноября 2014 года / под ред. И. Е. Бельских, В. Н. Гуляихина, А. Ф. Московцева. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2014. С. 19–30.
10. Дунаева Е. А. Социальная неопределенность как характеристика образовательного пространства молодежи [Электронный ресурс] // Информац. гуманит. портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 1 (2). URL: [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1\(2\)/Dunaeva/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Dunaeva/)
11. Дюркгейм Э. Д. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана; примечания В. В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.
12. Жукоцкая А. В. Размышления о современной гуманитаристике // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2021. № 1 (41). С. 74–81. С. 89–99.
13. Зубок Ю. А. Идентификационные стратегии учащейся молодежи в условиях социальной неопределенности // Образование и общество. 2006. № 1. С. 90–94.
14. Зубок Ю. А. Неопределенность в механизме саморегуляции развития молодежи [Электронный ресурс] / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Интернет-конференция «Дети и молодежь». 1.03.10–4.04.10. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/iconf/33372699/index.html>
15. Касьянов В. В. Специфика политической социализации российской молодежи в условиях социальной неопределенности / В. В. Касьянов, Д. В. Кротов, С. И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 42–45.
16. Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.

17. Кузьминов М. М. Динамический подход в анализе локальных сообществ / М. М. Кузьминов, Я. Д. Санадзе, У. Д. Шевченко // Глобальные социальные процессы: опыт социологического исследования: сб. ст. Социологической конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 20 декабря 2019 года / под ред. А. В. Петрова. СПб.: Астерион, 2019. С. 128–137.

18. Матюх Е. Т. «Неопределенность» общества как причина возникновения социальных рисков современности // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 1. С. 180–186.

19. Мещерякова Н. Н. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: специальность 22.00.01 / Мещерякова Наталия Николаевна; [Московский государственный институт международных отношений]. М., 2015. 46 с.

20. Михеева В. В. Неопределенность в социальных взаимодействиях: основные формы ее проявления в современном украинском обществе // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193). Вып. 30. С. 24–31.

21. Осьмук Л. А. Социальная неопределенность и метаморфозы современного общества // Идеи и идеалы. 2010. № 4 (6). Т. 1. С. 1–24.

22. Пакина Т. А. Некоторые аспекты рудовой социализации молодежи большого города [Электронный ресурс] // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / отв. ред.: А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2011. URL: https://universiade.msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1423/34068_3822.pdf

23. Пакина Т. А. Трудовая социализация молодежи в современных условиях занятости // Вестник нижегородского государственного университета им. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 39–46.

24. Пелин А. В. Неопределенность как ядро новой социальной парадигмы. 2012 [Электронный ресурс] // Публикации и исследования Александра Пелина: [сайт]. URL: <http://a-pelin.info/?go=pub&item=50>

25. Помазкова И. С. Профессиональное самоопределение российской молодежи в условиях социальной неопределенности: автореф. дис. ... канд. социол. наук: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» / Помазкова Инна Сергеевна. Ростов н/Д., 2011. 21 с.

26. Самыгин П. С. Правовая социализация учащейся молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов-н/Д., 2008. 53 с.

27. Хлопушин Р. Г. Социально-институциональный контроль наркотизма: автореф. дис. ... канд. социол. наук: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» / Хлопушин Роман Геннадьевич. СПб., 2005. 20 с.

28. Цой Л. Н. Попытка реконструкции ситуации неопределенности и конфликта (по результатам работы социол. школы конфликтологов) [Электронный ресурс] // Вопросы методологии. 1999. № 1-2. URL: <https://conflictmanagement.ru/popytka-rekonstruktsii-situatsii-neopredelennosti-i-konflikta/?ysclid=156ua5m3tr78951191>

29. Шилкина Н. Е. Социальная адаптация студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности и риска: особенности и тенденции (по мат-лам социологических исследований начала XXI в.): дис. ... д-ра социол. наук: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы». Барнаул, 2015. 39 с.

30. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.

31. Ястребова И. И. Социокультурные характеристики современного российского общества // Власть. 2015. № 8. С. 146–150.

References

1. An, S. A., Glios, G. N., & Dik, V. P. (2019). Sotsial`nyye vektory bytiya nashego vremeni [Social vectors of being of our time]. *Bulletin of the Institute for the Development of the Noosphere*, 5(7), 5–47. (In Russian).

2. Akhapiin, Yu. K. (2008). Interpretatsiya sotsial`no-gumanisticheskoy informatsii v usloviyakh neopredelennosti [Interpretation of socio-humanistic information under conditions of uncertainty]. *PhD Dissertation of Sociological Sciences*. Moscow. 175 p. (In Russian).

3. Babintsev, V. P., Gaidukova, G. N., & Shapoval, Zh. A. (2020). Problema sotsiokul`turnykh konstant v nestabil`noy sotsial`noy real`nosti (regional`nyy aspekt) [The problem of sociocultural constants in unstable social reality (regional aspect)]. *Sociodynamics*, 5, 94–104. (In Russian).

4. Baimatov, P. N. (2014). Rossiya i Zapad: konstitutsionnoye pravo grazhdan na sotsial`noye obespecheniye — indikator sotsial`nogo gosudarstva [Russia and the West: the constitutional right of citizens to social security — an indicator of a social state]. *Law and Politics*. 2(170), 197–206. (In Russian).

5. Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost`* [Fluid modernity] (translated from English by S. A. Komarov; edited by Yu. V. Asochakov). St. Petersburg: Piter. 240 p. (In Russian).

6. Beck, W. (2000). *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk society: on the way to another modernity] (translated from German by V. Sedelnik, & N. Fedorova). Moscow: Progress-Tradition. 383 p. Translate of the publication: Beck U. Risikogesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. (In Russian).

7. Beck, W. (1994). Ot industrial`nogo obshchestva k obshchestvu riska [From industrial society to risk society]. *Thesis*, 5, 161–168. (In Russian).

8. Belaya, E. A. (2017). Sotsial`naya neopredelennost` kak faktor transformatsii obrazovaniya [Social uncertainty as a factor in the transformation of education]. *Development of territories*, 2(8), 24–27. (In Russian).

9. Vasenina, I. V. (2014). Metodologicheskiye podkhody k izucheniyu tsennostnykh oriyentatsiy molodozhi v obshchestve sotsial`noy neopredelonnosti [Methodological approaches to the study of value orientations of youth in a society of social uncertainty]. In Belskikh, I. E., Gulyikhin, V. N., & Moskovtsev, A. F. (Eds). *Problemy` razvitiya obshchestva v usloviyakh neopredelennosti: e`konomicheskie, social`ny`e i upravlencheskie aspekty`* [Problems of society development in conditions of uncertainty: economic, social and managerial aspects]. Collection of scientific articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Volgograd, November 24–25, 2014 (pp. 19–30). Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House. (In Russian).

10. Dunaeva, E. A. (2008). Sotsial`naya neopredelennost` kak kharakteristika obrazovatel`nogo prostranstva molodezhi [Social uncertainty as a characteristic of the educational space of youth]. *Informats humanitary portal "Knowledge. Understanding. Skill"*, 1(2). (In Russian). Retrieved from [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1\(2\)/Dunaeva/](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1(2)/Dunaeva/)

11. Durkheim, E. (1996). *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor] (translated from France by A. B. Hoffman; notes by V. V. Sapov). Moscow: Kanon. 432 p. (In Russian).

12. Zhukotskaya, A. V. (2021). Razmyshleniya o sovremennoy gumanitaristike [Reflections on modern humanities]. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University, series "Historical Sciences"*, 1(41), 74–81. (In Russian).

13. Zubok, Yu. A. (2006). Identifikatsionnyye strategii uchashcheysya molodezhi v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti [Identification strategies of student youth in conditions of social uncertainty]. *Education and society*, 1, 90–94. (In Russian).

14. Zubok, Yu. A., & Chuprov, V. I. (2010). Neopredelennost' v mekhanizme samoregulyatsii razvitiya molodezhi [Uncertainty in the mechanism of self-regulation of youth development]. *Internet conference «Children and youth»*. 1.03.10–4.04.10. (In Russian). Retrieved from <http://www.ecsocman.edu.ru/iconf/33372699/index.html>

15. Kasyanov, V. V., Krotov, D. V., & Samygin, S. I. (2017). Spetsifika politicheskoy sotsializatsii rossiyskoy molodozhi v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti [The specifics of the political socialization of Russian youth in the conditions of social uncertainty]. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 1, 42–45. (In Russian).

16. Kravchenko, S. A. (2014). "Normal'naya anomiya": kontury kontseptsii ["Normal anomie": the contours of the concept]. *Sociological research*, 8, 3–10. (In Russian).

17. Kuzminov, M. M., Sanadze, Ya. D., & Shevchenko, U. D. (2019). Dinamicheskiy podkhod v analize lokal'nykh soobshchestv [Dynamic approach in the analysis of local communities]. In Petrov, A. V. (Ed.). *Global'ny'e social'ny'e processy: opyt sociologicheskogo issledovaniya [Global social processes: the experience of sociological research]*. Collection of the article of the Sociological Conference of Young Scientists, St. Petersburg, December 20, 2019 (pp. 128–137). St. Petersburg: Asterion. (In Russian).

18. Matyukh, E. T. (2011). "Neopredelennost'" obshchestva kak prichina vozniknoveniya sotsial'nykh riskov sovremennosti ["Uncertainty" of society as a reason for the emergence of social risks of our time]. *Bulletin of the Stavropol State University*, 1, 180–186. (In Russian).

19. Meshcheryakova, N. N. (2015). Osobennosti anomii v sovremennom rossiyskom obshchestve: sinergeticheskiy podkhod [Features of anomie in modern Russian society: a synergistic approach]. *Doctor Thesis of Sociological Sciences: specialty 22.00.01 [Moscow State Institute of International Relations]*. Moscow. 46 p. (In Russian).

20. Mikheeva, V. V. (2014). Neopredelennost' v sotsial'nykh vzaimodeystviyakh: osnovnyye formy yeyo proyavleniya v sovremennom ukrainskom obshchestve [Uncertainty in social interactions: the main forms of its manifestation in modern Ukrainian society]. *Scientific sheets. Series Philosophy. Sociology. Right*, 22(193), 24–31. (In Russian).

21. Osmuk, L. A. (200). Sotsial'naya neopredelennost' i metamorfozy sovremennogo obshchestva [Social uncertainty and metamorphoses of modern society]. *Ideas and ideals*, 4(6), 1, 24–91. (In Russian).

22. Pakina, T. A. (2011). Nekotoryye aspekty rudovoy sotsializatsii molodezhi bol'shogo goroda [Some aspects of the ore socialization of the youth of a big city]. In Andreev, A. I., Andriyanov, A. V., Antipov, E. A., & Chistyakov, M. V. (Eds). *Materials of the International Youth Scientific Forum «LOMONOSOV-2011»*. Moscow: MAKS Press. (In Russian). Retrieved from https://universiade.msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1423/34068_3822.pdf

23. Pakina, T. A. (2012). Trudovaya sotsializatsiya molodozhi v sovremennykh usloviyakh zanyatosti [Labor socialization of youth in modern conditions of employment]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State University. Lobachevsky. Series Social Sciences*, 2(26), 39–46. (In Russian).

24. Pelin, A. V. (2012). Neopredelonnost' kak yadro novoy sotsial'noy paradigmy [Uncertainty as the core of a new social paradigm]. *Publications and research by Alexander Pelin*: [website]. (In Russian). Retrieved from <http://a-pelin.info/?go=pub&item=50>
25. Pomazkova, I. S. (2011). Professional'noye samoopredeleniye rossiyskoy molodezhi v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti [Professional self-determination of Russian youth in conditions of social uncertainty]. *PhD Thesis of Sociological Sciences: specialty 22.00.04 «Social structure, social institutions and processes»*. Rostov-on-Don. 21 p. (In Russian).
26. Samygin, P. S. (2008). Pravovaya sotsializatsiya uchashchiysya molodezhi v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti rossiyskogo obshchestva [Legal socialization of student youth in the conditions of social uncertainty of the Russian society]. *Doctor Thesis of Sociological Sciences*. Rostov-on-Don. 53 p. (In Russian).
27. Khlopushin, R. G. (2005). Sotsial'no-institutsional'nyy kontrol' narkotizma [Social-institutional control of narcotism]. *PhD Thesis of Sociological Sciences: specialty 22.00.04 «Social structure, social institutions and processes»*. St. Petersburg. 20 p. (In Russian).
28. Tsoi, L. N. (1999). Popytka rekonstruktsii situatsii neopredelennosti i konflikta (po rezul'tatam raboty sotsiologicheskoy shkoly konfliktologov) [An attempt to reconstruct the situation of uncertainty and conflict (based on the results of the work of the sociological school of conflictologists)]. *Voprosy metodologii, 1-2*. (In Russian). Retrieved from <https://conflictmanagement.ru/popytka-rekonstruktsii-situatsii-neopredelennosti-i-konflikta/?ysclid=156ua5m3 tr78951191>
29. Shilkina, N. E. (2005). Sotsial'naya adaptatsiya studencheskoy molodezhi v usloviyakh sotsial'noy neopredelennosti i riska: osobennosti i tendentsii (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy nachala XXI v.) [Social Adaptation of Student Youth in Conditions of Social Uncertainty and Risk: Peculiarities and Trends (Based on Materials of Sociological Research at the Beginning of the 21st Century)]. *Doctoral Dissertation of Sociological Sciences: specialty 22.00.04 «Social structure, social institutions and processes»*. Barnaul. 482 p. (In Russian).
30. Sztompka, P. (2005). *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of modern society] (translated from Polish by S. M. Chervonnaya). Moscow: Logos. 664 p. (In Russian).
31. Yastrebova, I. I. (2015) Sotsiokul'turnyye kharakteristiki sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Sociocultural characteristics of modern Russian society]. *Power, 8*, 146–150. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Васильев Владимир Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения, декан факультета педагогики и психологии Самарского филиала Московского городского педагогического университета, Самара, Россия.

Vasiliev Vladimir Viktorovich — PhD (History), Associate Professor of the Department of History, International Law and Foreign Regional Studies, Dean of the Faculty of Pedagogy and Psychology, Samara Branch of Moscow City University, Samara, Russia.

Vasilev-429@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0643-8911>